

Е. Э. Иванова

Устаревшая диалектная лексика в топонимии Среднего Урала

Известно, что топонимы закрепляют в своем составе уже исчезнувшие слова, в частности слова диалектные. Сегодня происходит интенсивное размывание диалектов, некоторые слова перестают употребляться, многие находятся лишь в пассивной памяти информантов. Обращение к топонимии помогает реконструировать лексическую систему диалекта.

В статье рассматриваются топонимы Среднего Урала, образованные от устаревших диалектных слов. Степень устаревания последних различна, но большинство лексем вышло из употребления недавно, кроме того, некоторые из них (или их словообразовательные варианты) сохранились в соседних говорах.

Материал извлечен из картотеки топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Шеломок, Шоломок, гора (Шал.). Диалектное *шолом* зафиксировано в местном говоре только во фразеологическом обороте *быть на девятом шолому* 'находиться очень далеко' [СРГСУ-Д, 575]. В пермских говорах *шолом* имеет значение 'гора округлой формы' [Полякова, 166]. Топонимы позволяют утверждать, что географический термин *шолом* употреблялся и в Свердловской области.

Большая Сголовь, мыс и ур. (Гар.), **Узкая Сголовь**, мыс и ур. (Гар.). В диалектных словарях форма *сголовь* не встречается, однако есть *изголовь* 'место, прилегающее к мысу' [СРГСУ, 1, 199], 'выдающаяся сторона острова, мыс' [Урал., Байкал. – СРНГ, 12, 119], значения которого полностью соответствуют топонимическим реалиям. Ср. также *сголовь* 'изголовье (постели, кровати)'; 'часть сохи, за которую держится пахарь'; 'колодка с зубьями у грабель' [СРНГ, 37, 29–30]; *взголовах* 'в изголовье' [СРГСУ, 1, 78], *взголовь*, *взголовок*, *взголовицы* 'изголовье' [СРГСУ-Д, 69]. Слова, производные от существительного *голова*, часто становятся топонимической основой, ср.: *Головяшка*, гора – от диал. *головяшка* 'изголовье' [СРНГ, 6, 313–314].

Иногда выходит из употребления лишь одно из значений слова, и обращение к топонимии позволяет его выявить.

Свалки, ур. (Сукс.), **Свал**, ур. (Сл.-Тур.), **Крутые Свалки**, ур. (Шал.). В уральских говорах *свал* – 'нарост на березе' [СРГСУ, 5, 114]. Ср. также *свалок* – 'кап, нарост на дереве (обычно на березе)' Перм., Арх. [СРНГ, 36, 208]. В других говорах слово *свал* имеет значения 'пологое место, склон' Новг.,

‘крутой откос, склон берега, обрыв’ Горно-Алт. [СРНГ, 36, 204]. Вероятно, слово *свал* и на Урале употреблялось раньше как географический термин, в современных говорах остались только вторичные значения.

Вачега, бол., руч. (Ирб.), ур. (Артем.). В говорах Среднего Урала слово *вачега* употребляется в значении ‘большая рукавица’ [СРГСУ, I, 68]. Однако в «материнских» архангельских говорах у слова есть и другие значения: ‘о чем-то раскисшем, разложившемся’; ‘болотистое место’ [КСГРС]. Судя по топонимическим реалиям (болото, урочище), и на Урале у слова *вачега* было значение ‘болотистое место’.

В основе некоторых топонимов выявлены диалектные слова, которые не имеют однокоренных соответствий в уральских говорах, но зафиксированы на тех территориях, откуда шло заселение Урала.

Лазмаз, камень (Камышл.). В Архангельской области *лазмаз* – ‘низкое болотистое место, поросшее труднопроходимым лесом, кустарником’; ‘труднопроходимое, заросшее место в лесу’; ‘возвышенное место’ [КСГРС]. В топониме актуализируется последнее значение.

Солоти, пашня и лес (Сл.-Тур.), **Солуди**, бол. (Горноз.). Топонимы образованы от географического термина *солоть* ‘в зонах степи и лесостепи – почва, возникающая из солонцов при их повышенном увлажнении, в Среднем Поволжье – иловатая земля с примесью песка’; *солоть* ‘топкое, вязкое место, болото’ Волог., Яросл. [Мурзаев, 514]. В названии *Солуди* мы наблюдаем закрытое произношение безударного *у*, которое встречается в местных говорах и находит отражение в топонимии, ср.: *Вашикор/Ваишкур*, р.

Узеть, камень (Туг.), **Узеть**, камень (Гар.), **Узяди**, ур. (Приг.). Географический термин *узедь* встречается в Архангельской и Вологодской областях со значениями ‘узкая протока между озерами’, ‘часть реки с узким местом’, ‘перебор с быстрым течением’¹. В современных уральских говорах слова *узедь* нет, но оно отмечается в пермских памятниках XVII–XVIII вв.: *узедь*, *узеть* – ‘узкий проход, узкий лог’ [СПП, 6, 51]. На картах XVIII–XIX вв. очень много урочищ с подобным названием. Однако зафиксированные значения не вполне соответствуют типу географических объектов (урочище, покос, болото). Географический термин *узедь* образован от прилагательного *узкий* при помощи суффикса *-jedь* (как *мокредь*)². Следовательно, он мог

¹ См.: Дианова С. Г. Топонимы с суффиксом *-ядь* (*-едь*) // Вопросы топонимстики. Вып. 7. Свердловск, 1974. С. 87–89.

² Этимология не однозначна, так как географический термин *узень* ‘участок реки, где сужается русло’ некоторые исследователи считают заимствованием из тюркских языков, где *озен* ‘река, ручей, русло реки’ [Полякова, 159]. Тем не менее слова *узедь*, *узень* в народном сознании связаны с прилагательным *узкий*.

употребляться по отношению к любому узкому месту. Исходя из картографических материалов и описаний географических объектов, можно сделать вывод, что слово *узедь* на Среднем Урале имело значение ‘самая узкая часть водораздела между двумя реками’. Как правило, это два небольших притока крупной реки. Например, ур. *Узеди* (Перв.) геолог В. Меллер описывает как находящееся на самой узкой части водораздела между р. Дарья и р. Трека³. Не исключено, что географический термин *узедь* мог означать и ‘узкое урочище, узкий покос’.

Топонимические данные широко применяются в исторической диалектологии. Однако это надо делать с большой осторожностью. Прав В. А. Никонов, отмечая: «Ареалы топонимических основ драгоценны для исторической лексикологии, для исторической диалектологии, так как очерчивают границу распространения слова в прошлом. Однако обязательно надо учитывать сложность отношений между распространением одной и той же основы в топонимии и вне нее. Непонимание этого уже привело ко многим досадным промахам. Слово, распространенное в речи, может только в одной местности стать излюбленной топонимической основой. И обратно: топонимической основой может оказаться слово, никогда не употреблявшееся в этой местности вне топонимии (например, при переносе готового топонима переселенцами, при заимствовании, через личное имя или прозвище и т. д.)»⁴. Убедительны в этом отношении следующие примеры.

Тархан, камень (Перв.). Диалектное *тархан* – ‘обельный вотченник, свободный от всяких податей; скупщик по деревням холста, льну, пеньки, шкур или мерлушки, щетины и пр.’ (тамб., пенз., сарат.) [Даль, 4, 391]. В топонимию проникло через антропоним *Тархан* [Веселовский, 312], что подтверждает вариантная форма топонима *Тарханов Камень*.

Лебедева Толчая, камень (Перв.). *Толчая* – ‘волнение, образующееся в реках при встрече волн, возникающих в разных точках’ [Мурзаев, 556]. Перед этим камнем шумит пережат, вода пенится, и вспененная струя создает обратное течение. По мнению Ю. А. Дунаева, белоснежные шапки пены похожи на плавающих лебедей⁵. Название пережата перенесено на камень. Однако не исключено антропонимическое происхождение топонима. На картах

³ См.: Меллер В. Геологическое описание Илимской и Уткинской казенных дач на Урале и результаты проведенных в них разведочных на каменный уголь работ // Записки императорского СПб. Минералогического общества. ВТ серия, ч. 2. СПб., 1876. С. 155.

⁴ Никонов В. А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 66.

⁵ См.: Дунаев Ю. А. Топонимы окрестностей Первоуральска. Первоуральск, 1922. С. 41.

XIX в. рядом с камнем обозначен *Лебедев Луг*, т. е. луг, который принадлежал человеку по фамилии *Лебедев* или по прозвищу *Лебедь* [см.: Веселовский, 178]. Хотя возможна метонимия: камень *Лебедева Толчая* > *Лебедев Луг*. Диалектный географический термин *толчая* распространен в центрально-черноземных районах, на Урале же не встречается. В других топонимах Среднего Урала и в исторических источниках не фиксируется. Вероятно, переселенцы из центральных областей России использовали употребляемое у них на родине слово для номинации объекта, но в дальнейшем оно не получило распространения.

Диалектное слово может оказаться не востребованным по разным причинам, как экстралингвистическим (отсутствие подобных объектов и явлений на новой территории), так и собственно языковым (наличие соответствующего эквивалента в лексике). В случае с лексемой *толчая* определяющим был экстралингвистический фактор: на Средней Чусовой (где находится камень Лебедева Толчая) и других горных реках Среднего Урала практически не встречается обратного течения, которое создает *толчею* волн. На следующем примере можно проследить действие языкового фактора.

Кринка, приток р. Чусовой (Горноз.). Диалектный географический термин *кринка* 'глубокое место на реке' [Мурзаев, 304] распространен в Архангельской и Вологодской областях, в уральских говорах не встречается. На Чусовой в значении 'глубокое место на реке' широко употребляется лексема *корчага* [СРГСУ, 2, 51]. Ср.: р. *Корчага* (Шал.), р. *Корчага* (Перв.) – притоки Чусовой.

Похожее значение имело устаревшее диалектное слово *курган*, отразившееся в названии другого притока Чусовой – р. **Курганка** (Ревд.). В архангельских и вологодских говорах *курган* – 'яма на дне реки' [СРНГ, 16, 115]. Слово также встречается в пермских памятниках XVII в. Анализируя контексты, Е. Н. Полякова приходит к выводу, что оно имело значение 'глубокая яма' [Полякова, 99]. При наличии лексем *корчага* и *курган* слово *кринка* оказывается невостребованным. Не исключено, что в подобных случаях мы имеем дело с переносом топонима переселенцами.

Безусловным доказательством того, что диалектное слово в прошлом было распространено в регионе, является его фиксация в исторических источниках.

Чертежник, ур. (Ирб.). Устаревшее диалектное слово *чертеж* отмечается в памятниках письменности со значениями 'участок леса, на котором каждое дерево подрублено с тем, чтобы высушить и выжечь лес; пахотный или сенокосный участок на месте сведенного леса' [СПП, 6, 111].

Толстик, камень (Перв., Приг.), о-в (Приг.). В пермских памятниках *толстик* – ‘крутой берег, остров с высокими берегами’ [СПП, 6, 23].

Чегени, камень (Шал.), **Чигины**, роща (Сукс.). В основе топонимов устаревшее диалектное слово *чегень* (*чигень*) – ‘бревно, служащее рычагом для садки судна с мели’ [Даль, 4, 586]. Согласно В. И. Далю, слово распространено в астраханских, волжских, новгородских говорах. Но из очерка Д. Н. Мамина-Сибиряка «Бойцы», в котором он с документальной точностью описывает сплав по реке Чусовой, мы узнаем, что слово *чегени* употреблялось и на Урале⁶. Известно, что рядом с камнем Чегени – мелкий перекат, на котором часто «садились» барки и плоты. Вероятно, для того чтобы снять их с мели, в качестве рычага использовались *чегени*.

Иногда устаревшее диалектное слово не зафиксировано в исторических источниках, но его широкое употребление в топонимии позволяет утверждать, что некогда оно было распространено на данной территории. Так, в Ирбитском районе Свердловской области восемь топонимов **Кривель** (**Кревель**) – река, два болота, два урочища, покос, лог и пашня. Слово *кривель* не встречается ни в одном диалектном словаре, хотя его связь с прилагательным *кривой* очевидна. В пермских говорах есть слова *кривуля*, *криуля*, *кривулина*, *криулина* – ‘излучина реки, поворот дороги’ [Полякова, 96], ‘изгиб, крутая извилина, кривизна’ [СГСРПО, 261], ‘крутой поворот реки, дороги’ [Свердл. – СРНГ, 15, 248, 250]. Такое же значение имело, вероятно, и устаревшее слово *кривель*. Существительные на *-ель*, образованные от прилагательных, распространены в уральских говорах: *синель* – ‘комнатное растение, цветущее обильно, мелкими синими цветами’ [СРГСУ, 5, 137]; *мокрель* ‘то же, что *мокредь* – болотистое, сырое место’ Перм. [СРНГ, 18, 208] и др.

Представленный материал еще раз убеждает, что параллельно со сбором лексики в диалектологических экспедициях надо вести сбор топонимии. Часто опрос «от топонима» помогает пробудить память информантов и пополнить картотеку и словари уже исчезающими словами. Анализ топонимии региона помогает уточнить ареал распространения слова в прошлом, выявить исчезнувшие лексемы и утраченные значения слов.

⁶ См.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Бойцы. Очерки весеннего сплава по реке Чусовой. Пермь, 1965. С. 69.